

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. КАНТА
Олимпиада школьников «Будущее с нами»

II этап
2016 / 2017 учебный год

Литература
10 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 235 минут (3 часа 55 минут)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературных терминов. Вам предлагается словарная статья. Восстановите пропуски, стараясь раскрыть суть литературного термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН — роман, объектом которого является сам человек. В то время как другие формы эпоса берут человека извне, описывая обстановку его жизни, его действия, слова, наружность, — психологический роман проникает

В русской литературной традиции.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте фрагмент статьи И.С. Тургенева «По поводу "Отцов и детей"». Представьте себя в одной из ролей НА ВЫБОР: а) А.А. Фета, б) И.А. Гончарова, в) М.Е. Салтыкова-Щедрина — и напишите ПИСЬМО-ОТВЕТ И.С. Тургеневу, обосновывая отношение к его позиции с учетом избранной роли, привлекая необходимые историко-литературные факты и отсылая к произведениям избранного вами автора. *Рекомендуемый объем письма — 10—15 предложений.*

«Господа критики вообще не совсем верно представляют себе то, что происходит в душе автора, то, в чем именно состоят его радости и горести, его стремления, удачи и неудачи. Они, например, и не подозревают того наслаждения, о котором упоминает Гоголь и которое состоит в казнении самого себя, своих недостатков в изображаемых вымышленных лицах; они вполне убеждены, что автор непременно только и делает, что "проводит свои идеи"; не хотят верить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями. Позволю себе привести небольшой пример. Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в "Дворянском гнезде") все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славя-

нофила Лаврецкого "разбить его на всех пунктах". Почему я это сделал — я, считавший славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в данном случае — таким именно образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым. Рисуя фигуру Базарова, я исключил из круга его симпатий все художественное, я придал ему резкость и бесцеремонность тона — не из нелепого желания оскорбить молодое поколение (!!!) <...>, а просто вследствие наблюдений над моим знакомцем, доктором Д. и подобным ему лицам» (И.С. Тургенев. *По поводу «Отцов и детей»*, 1862).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли журналиста, у которого есть возможность взять интервью у любого русского писателя второй половины XIX века, и выполните следующие задания.

Часть 1. Какого писателя вы бы выбрали? Обоснуйте свой выбор: чем интересен вам именно этот писатель? почему, на ваш взгляд, его персона вызовет интерес у читателей журнала, который вы представляете? каково его значение для литературы своего времени? Представьте в виде небольшого эссе (**8—10 предложений**) обоснование своего выбора.

Часть 2. Придумайте заголовок и вступительную часть (лид) интервью.

Часть 3. Напишите небольшое (**10 вопросов и ответов**) воображаемое интервью с выбранным вами писателем. Старайтесь формулировать вопросы интервьюера и ответы интервьюируемого таким образом, чтобы интервью позволило раскрыться вашему собеседнику и одновременно было интересно вашим воображаемым читателям. Ориентируйтесь в построении интервью на языковые и стилевые особенности той эпохи, к которой принадлежит выбранный вами писатель.

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного (**прозаического или поэтического — на выбор**) текста.

Выполните Задание 4 в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
--

ЮРИЙ БУЙДА

О реках, деревьях и звездах

«Неба не видят только свиньи и змеи, — сказал Миша Лютовцев жене наутро после свадьбы. — А мы с тобой должны удержаться в людях».

Тоня испуганно кивнула, соглашаясь с мужем, который вообще-то был человеком нормальным, без отклонений.

Миша работал сушильщиком на бумажной фабрике, жена — медсестрой в фабричной больничке. Жили они в домике возле старого парка, в конце Семерки. При маленькой зарплате жители городка были вынуждены держать скотину, птицу, огород. Не были исключением и Лютовцевы, которые вскоре после свадьбы обзавелись двумя десятками кур, поросенком, коровой третьим отелом, десятком гусей, овцами и кроликами. Вставали и ложились затемно, чтобы управиться с хозяйством: подоить и выгнать в стадо корову, задать поросенку и овцам, нарезать свежей травы для кроликов... Летом надо было запастись сеном для коровы и овец. Когда родился сын, а следом еще один, молоко на сторону продавать перестали, но по-прежнему торговали кроличьим мясом

— зверьки плодились без удержу. Тоня научилась выделывать кроличьи шкурки — из них соседка Граммофониха шила шапки и детские шубки, пусть и не очень казистые, зато теплые и дешевые.

Словом, жили Лютовцевы как все — трудно. Мало того, что с утра до вечера невозможно было спины разогнуть, так ведь еще и отпуск подгадывали под сенокос либо под осеннюю уборку.

Но при всем при том один час в день Миша и Тоня выделяли на реки, деревья и звезды.

«Всего час, — предложил Миша еще тогда, после свадьбы. — Шестьдесят минут».

Тоня опрометчиво согласилась, но уже через несколько месяцев пожалела об этом.

Каждый день они выбирались на час в парк, тянувшийся вдоль Преголи. Конечно, прогуляться вечерком после тяжелого дня — дело хорошее, — ну а если дома хозяйство и нужно к утру сварить кормежку поросенку, а если дома дети малые плачут, а если за день так наломаешься, что у телевизора можешь только лежать? «Сегодня-то могли бы и отложить, — как-то запротестовала Тоня, — у меня мозоль аж горит...» Но Миша так посмотрел на нее, что ей не оставалось ничего другого, как сунуть распухшие ноги в галоши и взять мужа под руку.

Они медленно шли через заброшенный парк, под высокими старыми деревьями. Полузаросшая дорожка выводила их на берег реки. Темнело. Загорались звезды. Через час Лютовцевы возвращались домой.

Миша решительно пресекал попытки жены обсуждать домашние дела во время таких вылазок: «Коли мы только ради всего этого выбрались, то об этом нужно и говорить». То есть о реках, деревьях и звездах. Но вот закавыка: оказываясь лицом к лицу с рекой, деревьями и звездным небом, они терялись, совершенно не находя слов для общего разговора. Ну, в самом деле, что можно сказать о реке? Течет себе в глинистых берегах, весной и осенью разливается, затапливая сенокосы в пойме, зимой тихонько урчит подо льдом. Деревья шумят под ветром, сбрасывают листья, чтобы весной зацвести и осенью пожелтеть. А звезды — о них и вовсе нечего сказать, так они далеки от людей и непонятны. Конечно, бывает, что тихим и теплым осенним вечером, когда выйдешь на высокий берег и вдохнешь всей грудью пахнувший терпким листом воздух, и окинешь взором петляющую среди ивняков Преголю, и увидишь тлеющую пряжу Млечного Пути, и ощутишь вдруг на какой-то миг страстную и не вмещающуюся в одну душу любовь невесты к чему и к кому, — жизнь внезапно будто и сводится к этому единственному мгновению, — но выразить это словами? Какими? Не было таких слов ни у Миши, ни у Тони.

Озадаченный этим обстоятельством, Миша записался в фабричную библиотеку и набрал разных книжек о реках, деревьях и звездах, которые перед сном читал вслух, неодобрительно поглядывая на жену, которая хоть и боялась заснуть, но ничего с собой не могла поделать: сказывалась усталость. Однако мало-помалу они научились говорить об особенностях гидрологии Преголи, о коре и сердцевине деревьев, о величинах звезд и расстоянии до Бетельгейзе. И сведений, почерпнутых в книгах, было так много, что за час Миша и Тоня не успевали обо всем переговорить. Да и слова были все новые, ученые, никак не ложившиеся под язык.

Впрочем, постепенно, с годами, Лютовцевы забросили чтение книг, однажды сообразив, что можно изучить геологию речного русла, проникнуть в тайну цветения каштана и узнать химический состав голубых звезд-гигантов, но главное, человеческое — по-прежнему останется неуловимым, влекущим и невыразимым: течение, рост, свет и горение — вечность текучая, устрашающе живая и по-человечески изменчивая. Перед нею тысячи книг значат ничуть не больше, чем слово «река», слово «дерево» или слово «звезда», но и эти слова ничего не значат перед рекой, деревом или звездой.

Однако и эти горькие открытия не изменили привычку Миши и Тони каждый день

уделять час рекам, деревьям и звездам. Да, наверное, тут все дело именно в привычке, приобретенной за долгие годы. Однажды Тоня призналась, что наверняка почувствует себя не в своей тарелке, если они вечером с Мишей не выйдут в парк.

Соседи беззлобно подшучивали над Лютовцевыми, хотя, впрочем, не считали их чокнутыми: гуляют себе люди — и пусть гуляют.

Мне же кажется, что если Бог все-таки существует и однажды труба архангела созовет мертвых и живых в Иосафатскую долину на Страшный Суд, и Судья спросит, чем оправдана жизнь человеческая, и сушильщик с бумажной фабрики Миша Лютовцев и его жена медсестра Тоня ответят, что каждый день они пытались говорить о реках, деревьях и звездах, — Господь удовлетворится их жизнью, а возможно, даже назовет ее счастливой — невзирая на Тонины мозоли, Мишин гастрит и все неурожайные на картошку годы...

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

Декабрь 1977 года

Штрихи и точки нотного письма.
Кленовый лист на стареньком пюпитре.
Идет смычок, и слышится зима.
Ртом горьким улыбнись и слезы вытри,
Здесь осень музицирует сама.
Играй, октябрь, зажмурься, не дыши.
Вольно мне было музыке не верить,
Кощунствовать, угрюмо браконьерить
В скрипичном заповеднике души.
Вольно мне очутиться на краю
И музыку, наперсницу мою, —
Все тридцать три широких оборота —
Уродовать семьюдестью восьмью
Вращениями хриплого фокстрота.
Условимся о гибели молчать.
В застолье нету места укоризне
И жалости. Мне скоро двадцать пять,
Мне по карману праздник этой жизни.
Холодные созвездия горят.
Глухого мирозданья не корят
Остывшие Ока, Шексна и Припять.
Поэтому я предлагаю выпить
За жизнь с листа и веру наугад.
За трепет барабанных перепонок.
В последний день, когда меня спросят
По имени окликнут в тишине,
Неведомый пробудится ребенок
И втайне затоскует обо мне.
Условимся о гибели молчок.
Нам вечность беззаботная не светит.
А если кто и выронит смычок,
То музыка сама себе ответит.

(1977)

Количество баллов: 20.

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. КАНТА
Олимпиада школьников «Будущее с нами»
II этап
2016 / 2017 учебный год

Литература
10 класс

II тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание. Напишите краткое литературоведческое исследование на тему «**Корабли в русской поэзии: темы, мотивы, образы**». Используйте при построении собственной научной концепции предложенные тексты, а также самостоятельно выбранные примеры.

Количество баллов: 35.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный чёлн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

А.С. Пушкин, 16 июля 1827

СОН НА МОРЕ

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,

По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

Ф.И. Тютчев, <1830>

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ
(из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане -
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,

К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры -
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один -

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

М.Ю. Лермонтов, 1840

ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан:
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался не даром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только-что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только, вдали, океана жилища,
Чайке подобно, вод его птица,
Парус развев, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море:
С берегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простираю.
Томную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пеною здравья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко-ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной.

Е. А. Баратынский, 1844.

ВОСПОМИНАНИЕ

Как быстро пароход летел, рулю послушный,
Как тяжело колебал в волнах он грудь свою
И как я долго ждал душой равнодушной,
Чтоб отворилась дверь твоей каюты душной,
Чтоб ты взошла на ют и села на скамью.

Дул ветер; сизыми грядами
Катились волны; небеса
Пурпурными светились облаками;
Труба хрипела; дым клоками
Летел, — и ты с кормы глядела вместе с нами,
Как опускали паруса...

Я помню — ты была бледна, без покрывала;
Зловещая заря свой пламень отражала
В зрачках твоих глубоко-тёмных глаз...
Как вдруг ты на меня взглянула и сказала:
«Дай Бог, чтоб буря поднялась!» —
«Зачем?» — с невольным изумлением
Тебя я шёпотом спросил...
Но Бог не внял твоим мольбам
И море в ночь угомонил.

Над палубой луна сияла так приветно —
Я лунный свет ловил на пальцах рук твоих...
И ночь бессонная промчалась незаметно
Под мерный стук движений паровых.
Ты намекала мне на ранние сомненья,
На повесть грустную непонятой любви,
На бесполезные стремленья,
И на потребность утешенья,
И на страдания свои.

Случайный друг, друг только для одной
Прекрасной ночи, голос твой
Ещё мне памятен; но где ты, я не знаю;
Года умчали молодость мою,
В житейском море я один блуждаю —
То к мирной пристани гоню мою ладью,
То снова парус поднимаю.
Увижусь ли когда-нибудь с тобой?
Узнаю ли тебя среди толпы людской?
Напомню ли тебе о нашей встрече?

К чему напоминать!.. Те пламенные речи,
Те призраки, что увлекали нас,
Давно их нет! И я не раз,
Над жизнью смеяться вслух не смея,
Смеялся внутренно, воображая час,
Когда на палубе сказала ты, бледнея:
«Дай Бог, чтоб буря поднялась!»

Я.П. Полонский, 1853

НА КОРАБЛЕ

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычную стопую
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,

Куда невидимая сила
Её неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

А.А. Фет, <1856 или 1857>

* * *

«Мимо острова в полночь фрегат проходил!
Слева месяц над морем светил,
Справа остров темнел - пропадали вдали
Дюны скудной родимой земли.

Старый дом рыбака голубою стеной
Там мерцал над кипящей волной.
Но в заветном окне не видал я огня:
Ты забыла, забыла меня!»

«Мимо острова в полночь фрегат проходил:
Поздний месяц над морем светил,
Золотая текла по волнам полоса
И как в сказке неслись паруса.

Лебединою грудью белели они,
И мерцали на мачтах огни.
Но в светлице своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!»

И.Бунин, 16.08.1909

* * *

Не ворчи, океан, не пугай.
Нас земля испугала давно.
В теплый край -
Южный рай -
Приплывем все равно.

Ты, земля, стала твердью пустой;
Рана в сердце... Седею... Прости!
Это твой
След такой...
Ну - прощай и пусти!

Южный Крест там сияет вдали.
С первым ветром проснется компас.
Бог, храня
Корабли,
Да помилует нас!

Александр Грин, 1918

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ

Капитана в тот день называли на "ты",
Шкипер с юнгой сравнились в талантах,
Распрямляя хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов
Посрывало с петель.
Миражи берегов,
Покрывало земель
Этих обетованных, желанных,
И колумбовых и магелланских!

Только мне берегов не видать и земель,
С хода в девять узлов сел по горло на мель,
А у всех молодцов благородная цель,
И в конце-то концов, я ведь сам сел на мель!

И ушли корабли, мои братья, мой флот,
Кто чувствительней, брызги сглотнули.
Без меня продолжался великий поход,
На меня ж парусами махнули.

И погоду, и случай безбожно кляня,
Мои пасынки кучей бросали меня.
Вот со шлюпок два залпа, и ладно -
От Колумба и от Магеллана.

Я пью пену, волна не доходит до рта,
И от палуб до дна обнажились борта,
А бока мои грязны - таи, не таи,
Так любуйтесь на язвы и раны мои!

Вот дыра у ребра, это след от ядра,
Вот рубцы от тарана, и даже
Видны шрамы от крючьев, -
Какой-то пират мне хребет
Перебил в абордаже.

Киль, как старый, неровный гитаровый гриф,
Это брюхо вспорол мне коралловый риф,
Задыхаюсь, гнию, так бывает:
И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют и сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, меня ветры добьют.
Я под ними стою от утра до утра,
Гвозди в душу мою забивают ветра!

И гулякой шальным все швыряют вверх дном
Эти ветры, незваные гости.
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или с мели сорвать меня в злости!

Я уверовал в это, как загнанный зверь,
Но не злобные ветры нужны мне теперь,
Мои мачты, как дряблые руки,
Паруса, словно груди старухи.

Будет чудо восьмое, и добрый прибой
Мое тело омоет живою водой,
Море, божья роса, с меня снимет табу,
Вздует мне паруса, словно жилы на лбу!

Догоню я своих, догоню и прошу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пушу,
Я ведь зла не держу на команду!

Только, кажется, нет больше места в строю!
- Плохо шутишь, корвет, потеснись, раскрою!
Как же так? Я ваш брат, я ушел от беды,
Полевее фрегат, всем нам хватит воды!

До чего ж вы дошли, значит, что мне - уйти?
Если был на мели - дальше нету пути?
Разомкните ряды, что же вы, корабли?
Всем нам хватит воды, всем нам хватит земли,
Этой обетованной, желанной,
И колумбовой, и магелланской

В.С. Высоцкий, 1971

НОВЫЙ ЖЮЛЬ ВЕРН (отрывок)

Когда корабль не приходит в определенный порт
ни в назначенный срок, ни позже,
Директор Компании произносит: «Черт!»,
Адмиралтейство: «Боже».

Оба неправы. Но откуда им знать о том,
что приключилось. Ведь не допросишь чайку,
ни акулу с ее набитым ртом,
не направишь овчарку

по' следу. И какие вообще следы
в океане? Все это сущий
бред. Еще одно торжество воды
в состязании с сушией.

В океане все происходит вдруг.
Но потом еще долго волна тербит скитальцев:
доски, обломки мачты и спасательный круг;
всё - без отпечатка пальцев.

И потом наступает осень, за ней - зима.
Сильно дует сирокко. Лучшего адвоката
молчаливые волны могут свести с ума
красотою заката.

И становится ясно, что нечего вопрошать
ни посредством горла, ни с помощью радиозонда
синюю рябь, продолжающую улучшать
линию горизонта.

Что-то мелькает в газетах, толкующих так и сяк
факты, которых, собственно, кот заплакал.
Женщина в чем-то коричневом хватается за косяк
и оседает на пол.

Горизонт улучшается. В воздухе соль и йод.
Вдалеке на волне покачивается какой-то
безымянный предмет. И колокол глухо бьет
в помещении Ллойда.

И.А. Бродский, 1976